

Денис Шевчук

Мировая экономика

Денис Шевчук

Мировая экономика

«Автор»

Шевчук Д. А.

Мировая экономика / Д. А. Шевчук — «Автор»,

В учебном пособии в краткой и доступной форме рассмотрены все основные вопросы, предусмотренные государственным образовательным стандартом и учебной программой по дисциплине «Мировая экономика». Книга позволит быстро получить основные знания по предмету, а также качественно подготовиться к зачету и экзамену. Предлагаемое учебное пособие предназначено для студентов экономических специальностей, изучающих курсы «Мировая экономика», «Международные экономические отношения (МЭО)», «Международная торговля», аспирантам, преподавателям, политологам, журналистам, сотрудникам банков, финансистам и всем интересующимся данной тематикой. Пособие представляет собой своеобразный краткий конспект курса. Его цель – помочь студентам систематизировать учебный материал, лучше подготовиться к семинарским занятиям и экзаменам. Благодаря форме построения он дает общую канву изучаемого курса, помогает вычленить узловые положения и проблемы, проследить их внутреннюю связь, уяснить логическую последовательность.

© Шевчук Д. А.

© Автор

Содержание

Глава I	5
1. Международные отношения в истории социально-политической мысли	6
2. Современные теории международных отношений	9
3. Французская социологическая школа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Шевчук Денис Александрович

Мировая экономика

Глава I

ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Международные отношения – составная часть науки, включающей дипломатическую историю, международное право, мировую экономику, военную стратегию и множество других дисциплин, которые изучают различные аспекты единого для них объекта. Особое значение имеет для нее «теория международных отношений», под которой, в данном случае, мы понимаем совокупность множественных концептуальных обобщений, представленных полемизирующими между собой теоретическими школами и составляющих предметное поле относительно автономной дисциплины. В этом смысле «теория международных отношений» является одновременно и очень старой, и очень молодой. Уже в древние времена политическая философия и история ставили вопросы о причинах конфликтов и войн, о средствах и способах достижения порядка и мира между народами, о правилах их взаимодействия и т. п., – и поэтому она является старой. Но в то же время она является и молодой – как систематическое изучение наблюдаемых феноменов, призванное выявить основные детерминанты, объяснить поведение, раскрыть типичное, повторяющееся во взаимодействии международных акторов. Такое изучение относится, главным образом, к межвоенному периоду. И лишь после 1945 года «теория международных отношений» начинает действительно освобождаться от «удушения» историей и от «задавленности» юридической наукой. Фактически, в этот же период появляются и первые попытки ее «социологизации», которые впоследствии (в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов) привели к становлению (впрочем продолжающемуся и в наши дни) социологии международных отношений как относительно самостоятельной дисциплины.

Исходя из сказанного, осмысление теоретических источников и концептуальных оснований Международных отношений предполагает обращение к взглядам предшественников современной международно-политической науки, рассмотрение наиболее влиятельных сегодня теоретических школ и направлений, а также анализ нынешнего состояния социологии международных отношений.

1. Международные отношения в истории социально-политической мысли

Одним из первых письменных источников, содержащих глубокий анализ отношений между суверенными политическими единицами, стала написанная более двух тысяч лет назад Фукидидом (471–401 до н. э.) «История Пелопонесской войны в восьми книгах». Многие положения и выводы древнегреческого историка не утратили своего значения до наших дней, подтвердив тем самым его слова о том, что составленный им труд – «не столько предмет состязания для временных слушателей, сколько достояние на веки». Задавшись вопросом о причинах многолетней и изнурительной войны между афинянами и лакедемонянами, историк обращает внимание на то, что это были наиболее могущественные и процветающие народы, каждый из которых главенствовал над своими союзниками. При этом он подчеркивал, что «...со времени мидийских войн и до последней они не переставали то мириться, то воевать между собою или с отпадавшими союзниками, причем совершенствовались в военном деле, изоощрялись среди опасностей и становились искуснее». Поскольку оба могущественных государства превратились в своего рода империи, постольку усиление одного из них как бы обрекало их на продолжение этого пути, подталкивая к стремлению подчинить себе все свое окружение, с тем, чтобы поддержать свой престиж и влияние. В свою очередь, другая «империя», так же как и менее крупные города-государства, испытывая растущие страх и беспокойство перед таким усилением, принимает меры к укреплению своей обороны, втягиваясь тем самым в конфликтный цикл, который в конечном итоге неизбежно выливается в войну. Вот почему Фукидид с самого начала отделяет причины Пелопонесской войны от многообразных поводов к ней: Причина самая действительная, хотя на словах наиболее сокрытая, состоит по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением внушали страх лакедемонянам и тем привели их к войне.

Фукидид говорит не только о господстве силы в отношениях между суверенными политическими единицами. В его работе можно найти упоминание и об интересах государства, а также о приоритетности этих интересов над интересами отдельной личности. Тем самым он стал, в известном смысле, родоначальником одного из наиболее влиятельных направлений в более поздних представлениях и в современной науке о международных отношениях.

В дальнейшем это направление, получившее название классического или традиционного, было представлено во взглядах Николло Макиавелли (1469–1527), Томаса Гоббса (1588–1679), Эмерика де Ваттеля (1714–1767) и других мыслителей, приобретя наиболее законченную форму в работе немецкого генерала Карла фон Клаузевица (1780–1831).

Так, Т. Гоббс исходит из того, что человек по своей природе – существо эгоистическое. В нем скрыто непреходящее желание власти. Поскольку же люди от природы не равны в своих способностях, постольку их соперничество, взаимное недоверие, стремление к обладанию материальными благами, престижем или славой ведут к постоянной «войне всех против всех и каждого против каждого», которая представляет собой естественное состояние человеческих взаимоотношений. Для того, чтобы избежать взаимного истребления в этой войне, люди приходят к необходимости заключения общественного договора, результатом которого становится государство—Левиафан. Это происходит путем добровольной передачи людьми государству своих прав и свобод в обмен на гарантии общественного порядка, мира и безопасности. Однако, если отношения между отдельными людьми вводятся, таким образом, в русло, пусть искусственного и относительного, но все же гражданского состояния, то отношения между государствами продолжают пребывать в естественном состоянии. Будучи независимыми, государства не связаны никакими ограничениями. Каждому из них принадлежит то, что оно в состоянии захватить, и до тех пор, пока оно способно удерживать захваченное. Единственным «регулятором» межгосударственных отношений является, таким образом, сила, а

сами участники этих отношений находятся в положении гладиаторов, держащих наготове оружие и настороженно следящих за поведением друг друга.

Разновидностью этой парадигмы является и теория политического равновесия, которой придерживались, например, голландский мыслитель Барух Спиноза (1632–1677), английский философ Дэвид Юм (1711–1776), а также уже упоминавшийся выше швейцарский юрист Эмерик де Ваттель. Так, взгляд де Ваттеля на существо межгосударственных отношений не столь мрачен, как взгляд Гоббса. Мир изменился, считает он, и, по крайней мере, «Европа представляет собой политическую систему, некоторое целое, в котором все связано с отношениями и различными интересами наций, живущих в этой части света. Она не является, как некогда была, беспорядочным нагромождением отдельных частиц, каждая из которых считала себя мало заинтересованной в судьбе других и редко заботилась о том, что не касалось ее непосредственно». Постоянное внимание суверенов ко всему, что происходит в Европе, постоянное пребывание посольств, постоянные переговоры способствуют формированию у независимых европейских государств, наряду с национальными, еще и общих интересов – интересов поддержания в ней порядка и свободы. Именно это, – подчеркивает де Ваттель, – породило знаменитую идею политического равновесия, равновесия власти. Под этим понимают такой порядок вещей, при котором ни одна держава не в состоянии абсолютно преобладать над другими и устанавливать для них законы.

В то же время Э. де Ваттель, в полном соответствии с классической традицией, считал, что интересы частных лиц вторичны по сравнению с интересами нации (государства). В свою очередь, «если речь идет о спасении государства, то нельзя быть излишне предусмотрительным», когда есть основания считать, что усиление соседнего государства угрожает безопасности вашего. «Если так легко верят в угрозу опасности, то виноват в этом сосед, показывающий разные признаки своих честолюбивых намерений» (см.: там же, с. 448). Это означает, что превентивная война против опасно возвышающегося соседа законна и справедлива. Но как быть, если силы этого соседа намного превосходят силы других государств? В этом случае, отвечает де Ваттель, «проще, удобнее и правильнее прибегать к ...образованию коалиций, которые могли бы противостоять самому могущественному государству и препятствовать ему диктовать свою волю. Так поступают в настоящее время суверены Европы. Они присоединяются к слабейшей из двух главных держав, которые являются естественными соперницами, предназначенными сдерживать друг друга, в качестве довесков на менее нагруженную чашу весов, чтобы удержать ее в равновесии с другой чашей».

Параллельно с традиционным развивается и другое направление, возникновение которого в Европе связывают с философией стоиков, развитием христианства, взглядами испанского теолога доминиканца Франциско де Витториа (1480–1546), голландского юриста Гуго Гроция (1583–1645), представителя немецкой классической философии Иммануила Канта (1724–1804) и др. мыслителей. В его основе лежит идея о моральном и политическом единстве человеческого рода, а также о неотъемлемых, естественных правах человека. В различные эпохи во взглядах разных мыслителей эта идея принимала неодинаковые формы.

Так, в трактовке Ф. Витториа приоритет в отношениях человека с государством принадлежит человеку, государство же – не более, чем простая необходимость, облегчающая проблему выживания человека. С другой стороны, единство человеческого рода делает, в конечном счете, вторичным и искусственным любое разделение его на отдельные государства. Поэтому нормальным, естественным правом человека является его право на свободное передвижение. Иначе говоря, естественные права человека Витториа ставит выше прерогатив государства, предвосхищая и даже опережая современную либерально-демократическую трактовку данного вопроса.

Рассматриваемое направление всегда сопровождала убежденность в возможности достижения вечного мира между людьми – либо путем правового и морального регулирования меж-

дународных отношений, либо иными путями, связанными с самореализацией исторической необходимости. По Канту, например, подобно тому, как основанные на противоречиях и корысти отношения между отдельными людьми в конечном счете неизбежно приведут к установлению правового общества, так и отношения между государствами должны смениться в будущем состоянием вечного, гармонически регулируемого мира. Поскольку же представители этого направления апеллируют не столько к сущему, сколько к должному, и, кроме того, опираются на соответствующие философские идеи, постольку за ним закрепилось название идеалистического.

Возникновение в середине XIX в. марксизма возвестило о появлении еще одной парадигмы во взглядах на международные отношения, которая не сводится ни к традиционному, ни к идеалистическому направлению. Согласно К. Марксу, всемирная история начинается с капитализмом, ибо основой капиталистического способа производства является крупная промышленность, создающая единый мировой рынок, развитие средств связи и транспорта. Буржуазия путем эксплуатации мирового рынка превращает производство и потребление всех стран в космополитическое и становится господствующим классом не только в отдельных капиталистических государствах, но и в масштабах всего мира. В свою очередь, в той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат. Международные отношения в экономическом плане становятся отношениями эксплуатации. В плане же политическом они становятся отношениями господства и подчинения и, как следствие – отношениями классовой борьбы и революций. Тем самым национальный суверенитет, государственные интересы вторичны, ибо объективные законы способствуют становлению всемирного общества, в котором господствует капиталистическая экономика и движущей силой которого является классовая борьба и всемирно-историческая миссия пролетариата. «Национальная обособленность и противоположность народов, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс, – все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни».

В свою очередь, В. И. Ленин подчеркивал, что капитализм, вступив в государственно-монополистическую стадию своего развития, трансформировался в империализм. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» он пишет, что с завершением эпохи политического раздела мира между империалистическими государствами на передний план выступает проблема его экономического раздела между монополиями. Монополии сталкиваются с постоянно обостряющейся проблемой рынков и необходимостью экспорта капитала в менее развитые страны с более высокой нормой прибыли. Поскольку же они сталкиваются при этом в жестокой конкуренции друг с другом, постольку указанная необходимость становится источником мировых политических кризисов, войн и революций.

Рассмотренные основные теоретические парадигмы в науке о международных отношениях – классическая, идеалистическая и марксистская – в целом остаются актуальными и сегодня. В то же время следует отметить, что конституирование указанной науки в относительно самостоятельную область знания повлекло за собой и значительное увеличение многообразия теоретических подходов и методов изучения, исследовательских школ и концептуальных направлений. Остановимся на них несколько подробнее.

2. Современные теории международных отношений

Указанное выше многообразие намного осложнило и проблему классификации современных теорий международных отношений, которая сама по себе становится проблемой научного исследования.

Существует множество классификаций современных течений в науке о международных отношениях, что объясняется различиями в критериях, которые используются теми или иными авторами.

Так, одни из них исходят из географических критериев, выделяя англо-саксонские концепции, советское и китайское понимание международных отношений, а также подход к их изучению авторов, представляющих «третий мир».

Другие строят свою типологию на основе степени общности рассматриваемых теорий, различая, например, глобальные экспликативные теории (такие, как политический реализм и философия истории) и частные гипотезы и методы (к которым относят бихевиористскую школу). В рамках подобной типологии швейцарский автор Филипп Брайар относит к общим теориям политический реализм, историческую социологию и марксистско-ленинскую концепцию международных отношений. Что касается частных теорий, то среди них называются: теория международных акторов (Багат Корани); теория взаимодействий в рамках международных систем (Джордж Модельски, Самир Амин; Карл Кайзер); теории стратегии, конфликтов и исследования мира (Люсьен Пуарье, Дэвид Сингер, Йохан Галтунг); теории интеграции (Амитай Этциони; Карл Дойч); теории международной организации (Инис Клод; Жан Сиотис; Эрнст Хаас).

Третьи считают, что главной линией водораздела является метод, используемый теми или иными исследователями, и, с этой точки зрения, основное внимание уделяют полемике между представителями традиционного и «научного» подходов к анализу международных отношений.

Четвертые основываются на выделении центральных проблем, характерных для той или иной теории, выделяя магистральные и переломные линии в развитии науки.

Наконец, пятые опираются на комплексные критерии. Так, канадский ученый Багат Корани выстраивает типологию теорий международных отношений на основе используемых ими методов («классические» и «модернистские») и концептуального видения мира («либерально-плюралистическое» и «материалистическо-структуралистское»). В итоге он выделяет такие направления как политический реализм (Г. Моргентау; Р. Арон; Х. Бал), бихевиоризм (Д. Сингер; М. Каплан), классический марксизм (К. Маркс; Ф. Энгельс; В.И. Ленин) и неомарксизм (или школа «зависимости»: И. Валлерстейн; С. Амин; А. Франк; Ф. Кардозо). Подобным же образом Даниель Коляр останавливает внимание на классической теории «естественного состояния» (т. е. политическом реализме); теории «международного сообщества» (или политическом идеализме); марксистском идеологическом течении и его многочисленных интерпретациях; доктринальном англо-саксонском течении, а также на французской школе международных отношений. Марсель Мерль считает, что основные направления в современной науке о международных отношениях представлены традиционалистами – наследниками классической школы (Ганс Моргентау; Стэнли Хоффманн; Генри Киссинджер); англо-саксонскими социологическими концепциями бихевиоризма и функционализма (Роберт Кокс; Дэвид Сингер; Мортон Каплан; Дэвид Истон); марксистским и неомарксистскими (Пол Баран; Пол Суизи; Самир Амин) течениями.

Примеры различных классификаций современных теорий международных отношений можно было бы продолжать. Важно однако отметить по крайней мере три существенных обстоятельства. Во-первых, любая из таких классификаций носит условный характер и не в состоя-

нии исчерпать многообразие теоретических взглядов и методологических подходов к анализу международных отношений¹. Во-вторых, указанное многообразие не означает, что современным теориям удалось преодолеть свое «кровное родство» с рассмотренными выше тремя основными парадигмами. Наконец, в-третьих, вопреки все еще встречающемуся и сегодня противоположному мнению, есть все основания говорить о наметившемся синтезе, взаимообогащении, взаимном «компромиссе» между непримиримыми ранее направлениями.

Исходя из сказанного, ограничимся кратким рассмотрением таких направлений (и их разновидностей), **как политический идеализм, политический реализм, модернизм, транснационализм и неомарксизм.**

Впрочем, они и не ставят перед собой подобную цель. Их цель в другом – осмысление состояния и теоретического уровня, достигнутого наукой о международных отношениях, путем обобщения имеющихся концептуальных подходов и сопоставления их с тем, что было сделано ранее.

Наследие Фукидида, Макиавелли, Гоббса, де Ваттеля и Клаузевица, с одной стороны, Витория, Гроция, Канта, – с другой, нашло свое непосредственное отражение в той крупной научной дискуссии, которая возникла в США в период между двумя мировыми войнами, дискуссии между реалистами и идеалистами.

Идеализм в современной науке о международных отношениях имеет и более близкие идейно-теоретические истоки, в качестве которых выступают утопический социализм, либерализм и пацифизм XIX в. Его основная посылка – убеждение в необходимости и возможности покончить с мировыми войнами и вооруженными конфликтами между государствами путем правового регулирования и демократизации международных отношений, распространения на них норм нравственности и справедливости. Согласно данному направлению, мировое сообщество демократических государств, при поддержке и давлении со стороны общественного мнения, вполне способно улаживать возникающие между его членами конфликты мирным путем, методами правового регулирования, увеличения числа и роли международных организаций, способствующих расширению взаимовыгодного сотрудничества и обмена. Одна из его приоритетных тем – это создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики. В политической практике идеализм нашел свое воплощение в разработанной после первой мировой войны американским президентом Вудро Вильсоном программы создания Лиги Наций, в Пакте Бриана-Келлога (1928 г.), предусматривающем отказ от применения силы в межгосударственных отношениях, а также в доктрине Стаймсона (1932 г.), по которой США отказываются от дипломатического признания любого изменения, если оно достигнуто при помощи силы. В послевоенные годы идеалистическая традиция нашла определенное воплощение в деятельности таких американских политиков как госсекретарь Джон Ф. Даллес и госсекретарь Збигнев Бжезинский (представляющий, впрочем, не только политическую, но и академическую элиту своей страны), президент Джимми Картер (1976–1980) и президент Джордж Буш (1988–1992). В научной литературе она была представлена, в частности, книгой таких американских авторов как Р. Кларк и Л.Б. Сон «Достижение мира через мировое право». В книге предложен проект поэтапного разоружения и создания системы коллективной безопасности для всего мира за период 1960–1980 гг. Основным инструментом преодоления войн и достижения вечного мира между народами должно стать мировое правительство, руководимое ООН и действующее на основе детально разработанной мировой конституции. Сходные идеи высказываются в ряде работ европейских авторов. Идея мирового правительства высказывалась и в папских энцикликах: Иоанна XXIII – «*Pacern in terris*» от 16.04.63, Павла VI – «*Populorum progressio*» от 26.03.67, а также Иоанна Павла II – от 2.12.80, который и сегодня выступает за создание «политической власти, наделенной универсальной компетенцией».

Таким образом, идеалистическая парадигма, сопровождавшая историю международных отношений на протяжении веков, сохраняет определенное влияние на умы и в наши дни. Более того, можно сказать, что в последние годы ее влияние на некоторые аспекты теоретического анализа и прогнозирования в области международных отношений даже возросло, став основой практических шагов, предпринимаемых мировым сообществом по демократизации и гуманизации этих отношений, а также попыток формирования нового, сознательно регулируемого мирового порядка, отвечающего общим интересам всего человечества.

В то же время следует отметить, что идеализм в течение длительного времени (а в некотором отношении – и по сей день) считался утратившим всякое влияние и уж во всяком случае – безнадежно отставшим от требований современности. И действительно, лежащий в его основе нормативистский подход оказался глубоко подорванным вследствие нарастания напряженности в Европе 30-х годов, агрессивной политики фашизма и краха Лиги Наций, развязывания мирового конфликта 1939–1945 гг. и «холодной войны» в последующие годы. Результатом стало возрождение на американской почве европейской классической традиции с присущим ей выдвиганием на передний план в анализе международных отношений таких понятий, как «сила» и «баланс сил», «национальный интерес» и «конфликт».

Работа Г. Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть», первое издание которой увидело свет в 1948 году, стала своего рода «библией» для многих поколений студентов-политологов как в самих США, так и в других странах Запада. С точки зрения Г. Моргентау международные отношения представляют собой арену острого противоборства государств. В основе всей международной деятельности последних лежит их стремление к увеличению своей власти, или силы (power) и уменьшению власти других. При этом термин «власть» понимается в самом широком смысле: как военная и экономическая мощь государства, гарантия его наибольшей безопасности и процветания, славы и престижа, возможности для распространения его идеологических установок и духовных ценностей. Два основных пути, на которых государство обеспечивает себе власть, и одновременно два взаимодополняющих аспекта его внешней политики – это военная стратегия и дипломатия. Первая из них трактуется в духе Клаузевица: как продолжение политики насильственными средствами. Дипломатия же, напротив, есть мирная борьба за власть. В современную эпоху, говорит Г. Моргентау, государства выражают свою потребность во власти в терминах «национального интереса». Результатом стремления каждого из государств к максимальному удовлетворению своих национальных интересов является установление на мировой арене определенного равновесия (баланса) власти (силы), которое является единственным реалистическим способом обеспечить и сохранить мир. Собственно, состояние мира – это и есть состояние равновесия сил между государствами.

Согласно Моргентау, есть два фактора, которые способны удерживать стремления государств к власти в каких-то рамках – это международное право и мораль. Однако слишком доверяться им в стремлении обеспечить мир между государствами – означало бы впадать в непростительные иллюзии идеалистической школы. Проблема войны и мира не имеет никаких шансов на решение при помощи механизмов коллективной безопасности или посредством ООН. Утопичны и проекты гармонизации национальных интересов путем создания мирового сообщества или же мирового государства. Единственный путь, позволяющий надеяться избежать мировой ядерной войны – обновление дипломатии.

В своей концепции Г. Моргентау исходит из шести принципов политического реализма, которые он обосновывает уже в самом начале своей книги (20). В кратком изложении они выглядят следующим образом.

1. Политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, корни которых находятся в вечной и неизменной человеческой природе. Поэтому существует возможность создания рациональной теории, которая в состоянии отражать эти законы – хотя лишь

относительно и частично. Такая теория позволяет отделять объективную истину в международной политике от субъективных суждений о ней.

2. Главный показатель политического реализма – «понятие интереса, выраженного в терминах власти». Оно обеспечивает связь между разумом, стремящимся понять международную политику, и фактами, подлежащими познанию. Оно позволяет понять политику как самостоятельную сферу человеческой жизнедеятельности, не сводимую к этической, эстетической, экономической или религиозной сферам. Тем самым указанное понятие позволяет избежать двух ошибок. Во-первых, суждения об интересе политического деятеля на основе мотивов, а не на основе его поведения. И, во-вторых, выведения интереса политического деятеля из его идеологических или моральных предпочтений, а не из его «официальных обязанностей».

Политический реализм включает не только теоретический, но и нормативный элемент: он настаивает на необходимости рациональной политики. Рациональная политика – это правильная политика, ибо она минимизирует риски и максимизирует выгоды. В то же время рациональность политики зависит и от ее моральных и практических целей.

3. Содержание понятия «интерес, выраженный в терминах власти» не является неизменным. Оно зависит от того политического и культурного контекста, в котором происходит формирование международной политики государства. Это относится и к понятиям «сила» (power) и «политическое равновесие», а также к такому исходному понятию, обозначающему главное действующее лицо международной политики, как «государство-нация».

Политический реализм отличается от всех других теоретических школ прежде всего в коренном вопросе о том, как изменить современный мир. Он убежден в том, что такое изменение может быть осуществлено только при помощи умелого использования объективных законов, которые действовали в прошлом и будут действовать в будущем, а не путем подчинения политической реальности некоему абстрактному идеалу, который отказывается признавать такие законы.

4. Политический реализм признает моральное значение политического действия. Но одновременно он осознает и существование неизбежного противоречия между моральным императивом и требованиями успешного политического действия. Главные моральные требования не могут быть применены к деятельности государства как абстрактные и универсальные нормы. Они должны рассматриваться в конкретных обстоятельствах места и времени. Государство не может сказать: «Пусть мир погибнет, но справедливость должна восторжествовать!». Оно не может позволить себе самоубийство. Поэтому высшая моральная добродетель в международной политике – это умеренность и осторожность.

5. Политический реализм отказывается отождествлять моральные стремления какой-либо нации с универсальными моральными нормами. Одно дело – знать, что нации подчиняются моральному закону в своей политике, и совсем другое – претендовать на знание того, что хорошо и что плохо в международных отношениях.

6. Теория политического реализма исходит из плюралистической концепции природы человека. Реальный человек – это и «экономический человек», и «моральный человек», и «религиозный человек» и т. д. Только «политический человек» подобен животному, ибо у него нет «моральных тормозов». Только «моральный человек» – глупец, т. к. он лишен осторожности. Только «религиозным человеком» может быть лишь святой, поскольку у него нет земных желаний.

Признавая это, политический реализм отстаивает относительную автономность указанных аспектов и настаивает на том, что познание каждого из них требует абстрагирования от других и происходит в собственных терминах.

Как мы увидим из дальнейшего изложения, не все из вышеприведенных принципов, сформулированных основателем теории политического реализма Г. Моргентау, безоговорочно разделяются другими приверженцами – и, тем более, противниками – данного направления.

В то же время его концептуальная стройность, стремление опираться на объективные законы общественного развития, стремление к беспристрастному и строгому анализу международной действительности, отличающейся от абстрактных идеалов и основанных на них бесплодных и опасных иллюзий, – все это способствовало расширению влияния и авторитета политического реализма как в академической среде, так и в кругах государственных деятелей различных стран.

Однако и политический реализм не стал безраздельно господствующей парадигмой в науке о международных отношениях. Превращению его в центральное звено, цементирующее начало некоей единой теории с самого начала мешали его серьезные недостатки.

Дело в том, что, исходя из понимания международных отношений как «естественного состояния» силового противоборства за обладание властью, политический реализм, по существу, сводит эти отношения к межгосударственным, что значительно обедняет их понимание. Более того, внутренняя и внешняя политика государства в трактовке политических реалистов выглядят как не связанные друг с другом, а сами государства – как своего рода взаимозаменяемые механические тела, с идентичной реакцией на внешние воздействия. Разница лишь в том, что одни государства являются сильными, а другие – слабыми. Недаром один из влиятельных приверженцев политического реализма А. Уолферс строил картину международных отношений, сравнивая взаимодействие государств на мировой арене со столкновением шаров на бильярдном столе. Абсолютизация роли силы и недооценка значения других факторов, – например таких, как духовные ценности, социокультурные реальности и т. п., – значительно обедняет анализ международных отношений, снижает степень его достоверности. Это тем более верно, что содержание таких ключевых для теории политического реализма понятий, как «сила» и «национальный интерес», остается в ней достаточно расплывчатым, давая повод для дискуссий и многозначного толкования. Наконец, в своем стремлении опираться на вечные и неизменные объективные законы международного взаимодействия политический реализм стал, по сути дела, заложником собственного подхода. Им не были учтены весьма важные тенденции и уже произошедшие изменения, которые все в большей степени определяют характер современных международных отношений от тех, которые господствовали на международной арене вплоть до начала XX века. Одновременно было упущено еще одно обстоятельство: то, что указанные изменения требуют применения, наряду с традиционными, и новых методов и средств научного анализа международных отношений. Все это вызвало критику в адрес политического реализма со стороны приверженцев иных подходов, и, прежде всего, со стороны представителей так называемого модернистского направления и многообразных теорий взаимозависимости и интеграции. Не будет преувеличением сказать, что эта полемика, фактически сопровождавшая теорию политического реализма с ее первых шагов, способствовала все большему осознанию необходимости дополнить политический анализ международных реалий социологическим.

Представители «модернизма», или «научного» направления в анализе международных отношений, чаще всего не затрагивая исходные постулаты политического реализма, подвергали резкой критике его приверженность традиционным методам, основанным, главным образом, на интуиции и теоретической интерпретации. Полемика между «модернистами» и «традиционалистами» достигает особого накала, начиная с 60-х гг., получив в научной литературе название «нового большого спора». Источником этого спора стало настойчивое стремление ряда исследователей нового поколения (Куинси Райт, Мортон Каплан, Карл Дойч, Дэвид Сингер, Калеви Холсти, Эрнст Хаас и мн. др.) преодолеть недостатки классического подхода и придать изучению международных отношений подлинно научный статус. Отсюда повышенное внимание к использованию средств математики, формализации, к моделированию, сбору и обработке данных, к эмпирической верификации результатов, а также других исследовательских процедур, заимствованных из точных дисциплин и противопоставляемых традиционным

методам, основанным на интуиции исследователя, суждениях по аналогии и т. п. Такой подход, возникший в США, коснулся исследований не только международных отношений, но и других сфер социальной действительности, явившись выражением проникновения в общественные науки более широкой тенденции позитивизма, возникшей на европейской почве еще в XIX в.

Действительно, еще Сен-Симон и О. Конт предприняли попытку применить к изучению социальных феноменов строгие научные методы. Наличие солидной эмпирической традиции, методик, уже апробированных в таких дисциплинах как социология или психология, соответствующей технической базы, дающей исследователям новые средства анализа, побудило американских ученых, начиная с К. Райта, к стремлению использовать весь этот багаж при изучении международных отношений. Подобное стремление сопровождалось отказом от априорных суждений относительно влияния тех или иных факторов на характер международных отношений, отрицанием как любых «метафизических предрассудков», так и выводов, основывающихся, подобно марксизму, на детерминистских гипотезах. Однако, как подчеркивает М. Мерль, такой подход не означает, что можно обойтись без глобальной объяснительной гипотезы. Исследование же природных явлений выработало две противоположных модели, между которыми колеблются и специалисты в области социальных наук. С одной стороны, это учение Ч. Дарвина о безжалостной борьбе видов и законе естественного отбора и его марксистская интерпретация. С другой – органическая философия Г. Спенсера, в основу которой положена концепция постоянства и стабильности биологических и социальных явлений. Позитивизм в США пошел по второму пути – пути уподобления общества живому организму, жизнь которого основана на дифференциации и координации его различных функций. С этой точки зрения, изучение международных отношений, как и любого иного вида общественных отношений, должно начинаться с анализа функций, выполняемых их участниками, с переходом затем к исследованию взаимодействий между их носителями и, наконец, – к проблемам, связанным с адаптацией социального организма к своему окружению. В наследии органицизма, считает М. Мерль, можно выделить два течения. Одно из них уделяет главное внимание изучению поведения действующих лиц, другое – артикуляции различных типов такого поведения. Соответственно, первое дало начало бихевиоризму, а второе – функционализму и системному подходу в науке о международных отношениях.

Явившись реакцией на недостатки традиционных методов изучения международных отношений, применяемых в теории политического реализма, модернизм не стал сколь либо однородным течением – ни в теоретическом, ни в методологическом плане. Общим для него является, главным образом, приверженность междисциплинарному подходу, стремление к применению строгих научных методов и процедур, к увеличению числа поддающихся проверке эмпирических данных. Его недостатки состоят в фактическом отрицании специфики международных отношений, фрагментарности конкретных исследовательских объектов, обуславливающей фактическое отсутствие целостной картины международных отношений, в неспособности избежать субъективизма. Тем не менее многие исследования приверженцев модернистского направления оказались весьма плодотворными, обогатив науку не только новыми методиками, но и весьма значимыми выводами, сделанными на их основе. Важно отметить и то обстоятельство, что они открыли перспективу микросоциологической парадигмы в изучении международных отношений.

Если полемика между приверженцами модернизма и политического реализма касалась, главным образом, методов исследования международных отношений, то представители транснационализма (Роберт О. Коохейн, Джозеф Най), теорий интеграции (Дэвид Митрани) и взаимозависимости (Эрнст Хаас, Дэвид Моурс) подвергли критике сами концептуальные основы классической школы. В центре нового «большого спора», разгоревшегося в конце 60-х – начале 70-х гг., оказалась роль государства как участника международных отношений, значение наци-

онального интереса и силы для понимания сути происходящего на мировой арене (Шевчук Д.А. Мировая экономика: Конспект лекций. – Ростов-на-дону: Феникс, 2007).

Сторонники различных теоретических течений, которые могут быть условно названы «транснационалистами», выдвинули общую идею, согласно которой политический реализм и свойственная ему этатистская парадигма не соответствуют характеру и основным тенденциям международных отношений и потому должны быть отброшены. Международные отношения выходят далеко за рамки межгосударственных взаимодействий, основанных на национальных интересах и силовом противоборстве. Государство, как международный актор, лишается своей монополии. Помимо государств, в международных отношениях принимают участие индивиды, предприятия, организации, другие негосударственные объединения. Многообразие участников, видов (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены и т. п.) и «каналов» (партнерские связи между университетами, религиозными организациями, землячествами и ассоциациями и т. п.) взаимодействия между ними, вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «интернационального» (т. е. межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «транснациональное» (т. е. осуществляющееся помимо и без участия государств). «Неприятие преобладающего межправительственного подхода и стремление выйти за рамки межгосударственных взаимодействий привело нас к размышлениям в терминах транснациональных отношений», – пишут в предисловии к своей книге «Транснациональные отношения и мировая политика» американские ученые Дж. Най и Р. Коохейн.

Революционные изменения в технологии средств связи и транспорта, трансформация ситуации на мировых рынках, рост числа и значения транснациональных корпораций стимулировали возникновение новых тенденций на мировой арене. Преобладающими среди них становятся: опережающий рост мировой торговли по сравнению с мировым производством, проникновение процессов модернизации, урбанизации и развития средств коммуникации в развивающиеся страны, усиление международной роли малых государств и частных субъектов, наконец, сокращение возможностей великих держав контролировать состояние окружающей среды. Обобщающим последствием и выражением всех этих процессов является возрастание взаимозависимости мира и относительное уменьшение роли силы в международных отношениях. Сторонники транснационализма часто склонны рассматривать сферу транснациональных отношений как своего рода международное общество, к анализу которого применимы те же методы, которые позволяют понять и объяснить процессы, происходящие в любом общественном организме. Таким образом, по существу, речь идет о макросоциологической парадигме в подходе к изучению международных отношений.

Транснационализм способствовал осознанию ряда новых явлений в международных отношениях, поэтому многие положения этого течения продолжают развиваться его сторонниками и в 90-е гг... Вместе с тем, на него наложило свой отпечаток его несомненное идейное родство с классическим идеализмом с присущими ему склонностями переоценивать действительное значение наблюдаемых тенденций в изменении характера международных отношений. Заметным является и некоторое сходство положений, выдвигаемых транснационализмом, с рядом положений, которые отстаивает неомарксистское течение в науке о международных отношениях.

Представителей неомарксизма (Пол Баран, Пол Суизи, Самир Амин, Арджири Иммануэль, Иммануил Валлерстайн и др.) – течения столь же неоднородного, как и транснационализм, также объединяет идея о целостности мирового сообщества и определенная утопичность в оценке его будущего. Вместе с тем исходным пунктом и основой их концептуальных построений выступает мысль о несимметричности взаимозависимости современного мира и более того – о реальной зависимости экономически слаборазвитых стран от индустриальных государств, об эксплуатации и ограблении первых последними. Основываясь на некоторых тезисах клас-

сического марксизма, неомарксисты представляют пространство международных отношений в виде глобальной империи, периферия которой остается под гнетом центра и после обретения ранее колониальными странами своей политической независимости. Это проявляется в неравенстве экономических обменов и неравномерном развитии.

Так например, «центр», в рамках которого осуществляется около 80 % всех мировых экономических сделок, зависит в своем развитии от сырья и ресурсов «периферии». В свою очередь, страны периферии являются потребителями промышленной и иной продукции, производимой вне их. Тем самым они попадают в зависимость центра, становясь жертвами неравного экономического обмена, колебаний в мировых ценах на сырье и экономической помощи со стороны развитых государств. Поэтому, в конечном итоге, «экономический рост, основанный на интеграции в мировой рынок, есть развитие слаборазвитости».

В семидесятые годы подобный подход к рассмотрению международных отношений стал для стран «третьего мира» основой идеи о необходимости установления нового мирового экономического порядка. Под давлением этих стран, составляющих большинство стран – членов Организации Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея ООН в апреле 1974 года приняла соответствующую декларацию и программу действий, а в декабре того же года – Хартию об экономических правах и обязанностях государств (Шевчук Д.А. Мировая экономика: Конспект лекций. – Ростов-на-дону: Феникс, 2007).

Таким образом, каждое из рассмотренных теоретических течений имеет свои сильные стороны и свои недостатки, каждое отражает определенные аспекты реальности и находит то или иное проявление в практике международных отношений. Poleмика между ними способствовала их взаимообогащению, а следовательно, и обогащению науки о международных отношениях в целом. В то же время, нельзя отрицать, что указанная полемика не убедила научное сообщество в превосходстве какого-либо одного над остальными, как не привела и к их синтезу. Оба этих вывода могут быть проиллюстрированы на примере концепции *неореализма*.

Сам этот термин отражает стремление ряда американских ученых (Кеннет Уолц, Роберт Гилпин, Джозеф Грейко и др.) к сохранению преимуществ классической традиции и одновременно – к обогащению ее, с учетом новых международных реалий и достижений других теоретических течений. Показательно, что один из наиболее давних сторонников транснационализма, Коохейн, в 80-е гг. приходит к выводу о том, что центральные понятия политического реализма «сила», «национальный интерес», рациональное поведение и др. – остаются важным средством и условием плодотворного анализа международных отношений. С другой стороны, К. Уолц говорит о потребности обогащения реалистического подхода за счет той научной строгости данных и эмпирической верифицируемости выводов, необходимость которой сторонниками традиционного взгляда, как правило, отвергалась.

Возникновение школы неореализма в Международных отношениях связывают с публикацией книги К. Уолца «Теория международной политики», первое издание которой увидело свет в 1979 году. Отстаивая основные положения политического реализма («естественное состояние» международных отношений, рациональность в действиях основных акторов, национальный интерес как их основной мотив, стремление к обладанию силой), ее автор в то же время подвергает своих предшественников критике за провал попыток в создании теории международной политики как автономной дисциплины. Ганса Моргентау он критикует за отождествление внешней политики с международной политикой, а Раймона Арона – за его скептицизм в вопросе о возможности создания Международных отношений как самостоятельной теории.

Настаивая на том, что любая теория международных отношений должна основываться не на частностях, а на целостности мира, принимать за свой отправной пункт существование глобальной системы, а не государств, которые являются ее элементами, Уолц делает определенный шаг к сближению и с транснационалистами.

При этом системный характер международных отношений обусловлен, по мнению К. Уолца, не взаимодействующими здесь акторами, не присущими им основными особенностями (связанными с географическим положением, демографическим потенциалом, социокультурной спецификой и т. п.), а свойствами структуры международной системы (в этой связи неореализм нередко квалифицируют как структурный реализм или просто структурализм). Являясь следствием взаимодействий международных акторов, структура международной системы в то же время не сводится к простой сумме таких взаимодействий, а представляет собой самостоятельный феномен, способный навязать государствам те или иные ограничения, или же, напротив, предложить им благоприятные возможности на мировой арене.

Следует подчеркнуть, что, согласно неореализму, структурные свойства международной системы фактически не зависят от каких-либо усилий малых и средних государств, являясь результатом взаимодействий между великими державами. Это означает, что именно им и свойственно «естественное состояние» международных отношений. Что же касается взаимодействий между великими державами и другими государствами, то они уже не могут быть охарактеризованы как анархические, ибо приобретают иные формы, которые чаще всего зависят от воли великих держав.

Один из последователей структурализма, Барри Базан, развил его основные положения применительно к региональным системам, которые он рассматривает как промежуточные между глобальной международной и государственной системами (29). Наиболее важной особенностью региональных систем является, с его точки зрения, комплекс безопасности. Речь идет о том, что государства-соседи оказываются столь тесно связанными друг с другом в вопросах безопасности, что национальная безопасность одного из них не может быть отделена от национальной безопасности других. Основу структуры всякой региональной подсистемы составляют два фактора, подробно рассматриваемые автором: распределение возможностей между имеющимися акторами и отношения дружественности или враждебности между ними. При этом как то, так и другое, показывает Б. Базан, подвержено манипулированию со стороны великих держав.

Воспользовавшись предложенной таким образом методологией, датский исследователь М. Мозаффари положил ее в основу анализа структурных изменений, которые произошли в Персидском заливе в результате иракской агрессии против Кувейта и последовавшего затем разгрома Ирака союзническими (а по существу – американскими) войсками. В итоге он пришел к выводу об операциональности структурализма, о его преимуществах по сравнению с другими теоретическими направлениями. В то же время Мозаффари показывает и слабости, присущие неореализму, среди которых он называет положения о вечности и неизменности таких характеристик международной системы, как ее «естественное состояние», баланс сил, как способ стабилизации, присущая ей статичность.

Действительно, как подчеркивают другие авторы, возрождение реализма как теоретического направления гораздо меньше объясняется его собственными преимуществами, чем разнородностью и слабостью любой другой теории. А стремление к сохранению максимальной преемственности с классической школой означает, что уделом неореализма остается и большинство свойственных ей недостатков. Еще более суровый приговор выносят французские авторы М. – К. Смуц и Б. Бади, по мнению которых теории международных отношений, оставаясь в плену западнцентричного подхода, оказались неспособными отразить радикальные изменения, происходящие в мировой системе, как и предсказать ни ускоренную деколонизацию в послевоенный период, ни вспышки религиозного фундаментализма, ни окончания холодной войны, ни распада советской империи. Короче, ничего из того, что относится к грешной социальной действительности.

Неудовлетворенность состоянием и возможностями науки о международных отношениях стала одним из главных побудительных мотивов к созданию и совершенствованию отно-

сительно автономной дисциплины – социологии международных отношений. Наиболее последовательные усилия в этом направлении были предприняты французскими учеными.

3. Французская социологическая школа

Большинство издающихся в мире работ, посвященных исследованию международных отношений, еще и сегодня несет на себе несомненную печать преобладания американских традиций. В то же время бесспорным является и то, что уже с начала 80-х годов в данной области все ощутимее становится влияние европейской теоретической мысли, и в частности французской школы. Один из известных ученых, профессор Сорбонны М. Мерль в 1983 году отмечал, что во Франции, несмотря на относительную молодость дисциплины, изучающей международные отношения, сформировались три крупных направления. Одно из них руководствуется «эмпирически-описательным подходом» и представлено работами таких авторов, как Шарль Зоргбиб, Серж Дрейфюс, Филипп Моро-Дефарг и др. Второе вдохновляется марксистскими положениями, на которых основываются Пьер-Франсуа Гонидек, Шарль Шомон и их последователи в Школе Нанси и Реймса. Наконец, отличительной чертой третьего направления является социологический подход, получивший свое наиболее яркое воплощение в трудах Р. Арона.

В контексте настоящей работы, особенно интересной представляется одна из наиболее существенных особенностей современной французской школы в исследовании международных отношений. Дело в том, что каждое из рассмотренных выше теоретических течений – идеализм и политический реализм, модернизм и транснационализм, марксизм и неомарксизм – существуют и во Франции. В то же время они преломляются здесь в принесших наибольшую известность французской школе работах историко-социологического направления, которые наложили свой отпечаток на всю науку о международных отношениях в этой стране. Влияние историко-социологического подхода ощущается в трудах историков и юристов, философов и политологов, экономистов и географов, занимающихся проблемами международных отношений. Как отмечают отечественные специалисты, на формирование основных методологических принципов, характерных для французской теоретической школы международных отношений, оказали влияние учения философской, социологической и исторической мысли Франции конца XIX – начала XX века, и прежде всего позитивизм Конта. Именно в них следует искать такие черты французских теорий международных отношений, как внимание к структуре общественной жизни, определенный историзм, преобладание сравнительно-исторического метода и определенный скептицизм относительно математических приемов исследования.

В то же время в работах тех или иных конкретных авторов указанные черты модифицируются в зависимости от сложившихся уже в XX веке двух основных течений социологической мысли. Одно из них опирается на теоретическое наследие Э. Дюркгейма, второе исходит из методологических принципов, сформулированных М. Вебером. Каждый из этих подходов с предельной четкостью формулируется такими крупными представителями двух линий во французской социологии международных отношений, какими являются, например, Раймон Арон и Гастон Бутуль.

«Социология Дюркгейма, – пишет Р. Арон в своих мемуарах, – не затрагивала во мне ни метафизика, которым я стремился стать, ни читателя Пруста, желающего понять трагедию и комедию людей, живущих в обществе». «Неодюркгеймизм», утверждал он, представляет собой нечто вроде марксизма наоборот: если последний описывает классовое общество в терминах всепобеждающей господствующей идеологии и принижает роль морального авторитета, то первый рассчитывает придать морали утраченное ею превосходство над умами. Однако отрицание наличия в обществе господствующей идеологии – это такая же утопия, как и идеологизация общества. Разные классы не могут разделять одни и те же ценности, как тоталитарное и либеральное общества не могут иметь одну и ту же теорию. Вебер же, напротив, привлекал Арона тем, что

объективируя социальную действительность, он не «овеществлял» ее, не игнорировал рациональности, которую люди придают своей практической деятельности и своим институтам. Арон указывает на три причины своей приверженности веберовскому подходу: свойственное М. Веберу утверждение об имманентности смысла социальной реальности, близость к политике и забота об эпистемологии, характерная для общественных наук. Центральное для веберовской мысли колебание между множеством правдоподобных интерпретаций и единственно верным объяснением того или иного социального феномена стало основой и для ароновского взгляда на действительность, пронизанного скептицизмом и критикой нормативизма в понимании общественных – в том числе и международных – отношений.

Вполне логично поэтому, что Р. Арон рассматривает международные отношения в духе политического реализма – как естественное или предгражданское состояние. В эпоху индустриальной цивилизации и ядерного оружия, подчеркивает он, завоевательные войны становятся и невыгодными, и слишком рискованными. Но это не означает коренного изменения основной особенности международных отношений, состоящей в законности и узаконенности использования силы их участниками. Поэтому, подчеркивает Арон, мир невозможен, но и война невероятна. Отсюда вытекает и специфика социологии международных отношений: ее главные проблемы определяются не минимумом социального консенсуса, который характерен для внутриобщественных отношений, а тем, что они «развертываются в тени войны». Ибо нормальным для международных отношений является именно конфликт, а не его отсутствие. Поэтому главное, что подлежит объяснению – это не состояние мира, а состояние войны.

Р. Арон называет четыре группы основных проблем социологии международных отношений, применимой к условиям традиционной (доиндустриальной) цивилизации. Во-первых, это «выяснение соотношения между используемыми вооружениями и организацией армий, между организацией армии и структурой общества». Во-вторых, «изучение того, какие группы в данном обществе имеют выгоду от завоеваний». В-третьих, исследование «в каждой эпохе, в каждой определенной дипломатической системе той совокупности неписанных правил, более или менее соблюдаемых ценностей, которыми характеризуются войны и поведение самих общностей по отношению друг к другу». Наконец, в-четвертых, анализ «неосознаваемых функций, которые выполняют в истории вооруженные конфликты». Конечно, большая часть нынешних проблем международных отношений, подчеркивает Арон, не может быть предметом безупречного социологического исследования в терминах ожиданий, ролей и ценностей. Однако поскольку сущность международных отношений не претерпела принципиальных изменений и в современный период, постольку вышеуказанные проблемы сохраняют свое значение и сегодня. К ним могут быть добавлены и новые, вытекающие из условий международного взаимодействия, характерных для второй половины XX века. Но главное состоит в том, что пока сущность международных отношений будет оставаться прежней, пока ее будет определять плюрализм суверенитетов, центральной проблемой останется изучение процесса принятия решений. Отсюда Арон делает пессимистический вывод, в соответствии с которым характер и состояние международных отношений зависят, главным образом, от тех, кто руководит государствами – от «правителей», «которым можно только советовать и надеяться, что они не будут сумасшедшими». А это означает, что социология, приложенная к международным отношениям, обнаруживает, так сказать, свои границы.

В то же время Арон не отказывается от стремления определить место социологии в изучении международных отношений. В своей фундаментальной работе «Мир и война между нациями» он выделяет четыре аспекта такого изучения, которые описывает в соответствующих разделах этой книги: «Теория», «Социология», «История» и «Праксеология».

В первом разделе определяются основные правила и концептуальные орудия анализа. Прибегая к своему излюбленному сравнению международных отношений со спортом, Р. Арон показывает, что существует два уровня теории. Первый призван ответить на вопросы о том,

«какие приемы игроки имеют право применять, а какие нет; каким образом они распределяются на различных линиях игровой площадки; что предпринимают для повышения эффективности своих действий и для разрушений усилий противника». В рамках, отвечающих на подобные вопросы правил, могут возникать многочисленные ситуации, которые могут быть случайными, а могут быть результатом заранее спланированных игроками действий. Поэтому к каждому матчу тренер разрабатывает соответствующий план, уточняющий задачу каждого игрока и его действия в тех или иных типовых ситуациях, которые могут сложиться на площадке. На этом – втором – уровне теории она определяет рекомендации, описывающие правила эффективного поведения различных участников (например, вратаря, защитника и т. д.) в тех или иных обстоятельствах игры. В разделе в качестве типовых видов поведения участников международных отношений выделяются и анализируются стратегия и дипломатия, рассматриваются совокупность средств и целей, характерных для любой международной ситуации, а также типовые системы международных отношений.

На этой основе строится социология международных отношений, предметом которой является прежде всего поведение международных акторов. Социология призвана отвечать на вопрос о том, почему данное государство ведет себя на международной арене именно таким образом, а не как-то иначе. Ее главная задача – изучение детерминант и закономерностей, материальных и физических, а также социальных и моральных переменных, определяющих политику государств и ход международных событий. Здесь анализируются также такие вопросы, как характер влияния на международные отношения политического режима и/или идеологии. Их выяснение позволяет социологу вывести не только определенные правила поведения международных акторов, но и выявить социальные типы международных конфликтов, а также сформулировать законы развития некоторых типичных международных ситуаций. Продолжая сравнение со спортом, на этом этапе исследователь выступает уже не в роли организатора или тренера. Теперь он решает вопросы иного рода. Как разворачиваются матчи не на классной доске, а на игровой площадке? В чем состоят специфические особенности тех приемов, которые используются игроками разных стран? Существует ли латинский, английский, американский футбол? Какая доля в успехе команды принадлежит технической виртуозности, а какая – моральным качествам команды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.